РОДСТВО И СЛУЖБА.

Въ одномъ изъ удѣльныхъ имѣній Симбирской губерніи, жило семейство Ворошилиныхъ. Они были крестьяне зажиточные и порядочные; у отца пятеро сыновей на возрастѣ, все погодки, да еще двѣ, либо три дочери. Жили они мирно, спокойно; Богъ благословилъ труды работящихъ сыновей и заботы старика отца; не знали они ни горя, ни печали, какъ вдругъ сказанъ былъ рекрутскій наборъ. Ворошилинымъ, какъ пятерикамъ, не миновать очереди; молодые ребята стали призадумываться, а дѣвки да бабы принялись за свое ремесло, за слезы.

Глядя на это, старикъ созвалъ въ воскресенье послѣ обѣдни всѣхъ сыновей, а бабъ и дѣвокъ выслалъ вонъ, чтобъ можно было говорить дѣло.

— Вотъ дѣти, сказалъ онъ, Государь требуетъ съ насъ солдата; дѣлать нечего, не итти же одинокому, не итти и двойникамъ

либо тройникамъ, не обижать изъ за насъ другихъ, а итти видно кому нибудь изъ васъ. Не тужите; свѣтъ не клиномъ передъ вами сошелся, не только свѣту, что въ окнѣ; доброму человѣку вездѣ житье будетъ, что тутъ, что тамъ; тутъ работали на себя да на царское подушное, не на боку же лежали; а тамъ послужите на Государя, за то кормить станетъ. Коли солдатъ мой живъ будетъ, такъ, дастъ Богъ, милость царскую заслужитъ, вы всѣ ребята добрые; а коли кости его тамъ закопаютъ — и на это власть Господня; Онъ же и смилуется надъ нимъ. А кто пойдетъ, ужъ тому меня старика не видать больше, надо проститься; я и то чужой вѣкъ доживаю, пора и честь знать. Живите вы дружно, мирно; чтобъ попреку, ни поклепу, у васъ не было; чтобъ помощь была отъ брата брату; чтобъ другъ за друга Богу молились, хоть врознь, хоть вмѣстѣ жить будете; уважайте начальство, какое у кого будетъ, и повинуйтесь ему; уважайте старшаго по мнѣ, чтите братъ брата. Ну, кто же изъ васъ идетъ?

Младшій сынъ, Степанъ, за словомъ повалился въ ноги отцу и просилъ благословенія. — Два старшихъ брата у меня женатые, сказалъ онъ, третій уже засваталъ невѣсту, а четвертый, Григорій, слабъ, на службу не годится. Я иду.

Прошло времени годовъ двадцать слишкомъ; старикъ Ворошилинъ давно въ землѣ; сыновья его посѣдѣли, наплодили каждый полонъ домъ дѣтей; благословилъ Богъ и ихъ достаткомъ, нужды не знаютъ и хозяекъ побрали хорошихъ и живутъ безъ горя; но о Степанѣ и слуху нѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ проходящій отставной солдатъ, одного съ нимъ полка, сказывалъ, что живъ онъ и здоровъ и начальство его любитъ. Вѣсть эта пришла еще за жизнь отца, и онъ ей порадовался; а съ тѣхъ поръ ничего о Степанѣ не слышно.

Около Покрова, когда старшій Ворошилинъ уже собирался отдавать замужъ дочь и зазвалъ на вечеръ въ избу свою сватьевъ и сватей съ женихомъ, постучался кто–то въ шатровые ворота; а какъ не скоро пошли отпирать, не до того

было, то онъ стукнулъ посохомъ своимъ и въ окошко, побѣжала дѣвочка хозяйская, отперла калитку и прибѣжавъ опять сказала отцу, что–де служивый пришелъ, просится на ночлегъ. — Зови его сюда на радость, сказалъ Ворошилинъ; коли Богъ посылаетъ гостя на праздникъ мой, такъ не отказывать же ему. У меня же и братъ Степанъ былъ когда–то служивымъ, помяни его Господь въ царствіи Своемъ; чай померъ давно; и перекрестился.

Входитъ служивый, изъ себя еще молодецъ, болѣе сорока годовъ не будетъ, и видный такой, что хоть куда. Помолился, поздоровался, поблагодарилъ что пустили, свалилъ съ плечъ котомку, да и сталъ среди избы и глядитъ на людей: который–де изъ нихъ кто, кого узнаю? Смотрѣлъ долго, и они на него глядятъ — да и спросилъ: а что, братья мои любезные, помните ли вы совѣтъ отцовскій, молились ли вы за меня Богу? А я за васъ молился!

Тутъ крикъ такой пошелъ на всю избу, что никто слова чужаго не разберетъ, да и самъ своего не дослышитъ. Всѣ узнали

Степана — кто обнимаетъ его, кто въ ноги ему — кто спереди, кто съ тылу, кто сбоку — ну, словомъ, приняли Степана какъ выходца съ того свѣта, разспрашивали обо всемъ до самой полуночи, тамъ запили невѣсту, и пошли по домамъ.

Не прошло мѣсяца, какъ Степанъ говорилъ старику брату Андрею: братъ Андрей Онисимовичъ, найди ты мнѣ невѣсту — хоть вдову пожалуй, что ли, да чтобы была хозяйка. Деньжонокъ я маленько принесъ со службы, отцы–командиры сберегли спасибо; авось и вы не откажетесь пособить, коли нужда будетъ; а я еще, благодаря Бога, не старъ и здоровъ; на боку лежать нечего; обзаведусь хозяйствомъ, да стану жить не хуже вашего. Ты у насъ за мѣсто отца теперь: благослови, да и дѣло въ шапкѣ.

Такъ и сталось. Срубилъ Степанъ избу, обзавелся хозяйствомъ, женился и жилъ себѣ не хуже братьевъ. Парень онъ умный, этимъ Богъ не обидѣлъ; душа въ немъ добрая, распорядокъ дать умѣетъ вездѣ, потому что наглядѣлся на всякую всячину,

перебывалъ во всѣхъ концахъ матушки Россіи и вездѣ все видѣлъ и замѣчалъ, что, къ чему и какъ гдѣ дѣлается. Народъ видитъ, что Степанъ Ворошилинъ худаго изъ службы не вынесъ; всякій совѣтъ его, всякое слово къ добру, а не къ худу. Пожилъ Степанъ съ годъ — міръ выбралъ его въ приказные головы, а начальство утвердило. Давай, говоритъ Степанъ, опять служить; нечего дѣлать; еще я дѣтей на свое мѣсто не поставилъ — не до того было, что Богъ дастъ впередъ.

Выбравъ Степана Ворошилина въ головы, міръ не ошибся: что добраго можно было сдѣлать въ быту крестьянскомъ, все это по совѣсти и новой присягѣ своей Степанъ исполнилъ. На конокрадовъ, да на передатчиковъ, которые разоряютъ бѣднаго мужика въ одну ночь, укравъ послѣднюю лошаденку изъ–подъ сохи, Степанъ наложилъ руку, и не было имъ отъ него пощады: коли знаетъ достовѣрно, что такой–то воръ, да концы хоронить умѣетъ, что въ судѣ его не уличишь, то голова тотчасъ сходку соберетъ, да мірскимъ

приговоромъ и спровадитъ его на рѣку Енисей. Гдѣ кабакъ въ деревнѣ стоитъ, да мужичишки сопьются, хозяйство запустятъ, то голова раза по два и по три въ недѣлю побываетъ у нихъ, кто что дѣлаетъ, что работаетъ, все знаетъ, за всѣми прислѣдитъ, и ужъ покою не дастъ, покуда не управится съ ними да не заставитъ жить по людски: одного за недоимки въ заработки отдастъ, другаго подъ надзоръ сотскаго, третьяго добрымъ словомъ пройметъ да заставитъ опомниться; извѣстно, громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится, а послѣ и самъ спасибо скажетъ за науку. Голова нашъ завелъ огороды у крестьянъ, проложилъ гдѣ нужно дороги; засыпалъ опасные овраги; подѣлалъ гати, покрылъ крыши — словомъ, сдѣлалъ добра много, и всѣ его благословляли.

Въ той самой деревнѣ, гдѣ жилъ четвертый братъ Степана, Григорій, отъ дождевой промоины сдѣлался овражекъ, а изъ овражка вышелъ черезъ годъ со днемъ оврагъ, да ужъ такой, что стало подмывать избы. Вотъ мужики мои по веснѣ сойдутся,

поглядятъ на оврагъ тотъ, почешутъ затылки, потолкуютъ, что надо бы переложить и завалить — да и разойдутся. Мужикъ уменъ, да міръ дуракъ; всякій порознь и видитъ, что надо сдѣлать, да всѣ вмѣстѣ умовъ не сведутъ въ одинъ и махнутъ рукой.

Пріѣхалъ нашъ голова, поглядѣлъ, да и распорядился: вы, братцы мои, сказалъ онъ крестьянамъ, видно молоды еще, хоть и состарѣлись: борода съ ворота, а ума съ накопыльникъ не вынесла. Развѣ не видите, что на весну оврагъ подъ избы подойдетъ? Тогда что станете дѣлать? Васъ тутъ 76 тяглъ; по пяти возовъ земли на 70 тяглъ, всего 350 возовъ, этого довольно; а шесть тяглъ нарубите да привезите хворосту подъ гать — и дѣло готово. Тогда вода пойдетъ у васъ низкимъ овражкомъ и село будетъ цѣло. Смотрите, чтобы къ Спасу было сдѣлано!

Прошелъ срокъ, какой голова назначилъ, а овражекъ еще не засыпанъ. Никому не охота первому приниматься за дѣло, все одинъ глядитъ на другаго; а какъ четвертый

братъ Степана, Григорій, который былъ однимъ только годомъ постарѣе его, не разсудилъ послушаться головы, такъ и прочіе, на него глядя, махнули рукой.

Голова потребовалъ хозяевъ въ приказъ, на раздѣлку. Туда, сюда — а одинъ и вышелъ, да и говоритъ: Что же ты, Степанъ Онисимовичъ, на насъ однихъ взъѣлся? Отчего же ты брата своего не спросишь, для чего онъ отъ насъ не отсталъ?

— А гдѣ братъ Григорій Онисимовичъ? спросилъ голова, позвать его.

— Да не идетъ, говорятъ.

Степанъ послалъ за нимъ и велѣлъ его привести; привели.

— А что братъ, спросилъ Степанъ, ты для чего не идешь, когда голова за тобой шлетъ? Это для міра примѣръ не хорошъ. Я не домой къ себѣ тебя звалъ, я бы и самъ потрудился къ тебѣ притти; я звалъ тебя на расправу, въ приказъ. Чтожь, скажи, ты свои пять возовъ привезъ на оврагъ?

— Нѣтъ не привезъ, отвѣчалъ братъ; да что я буду возить, да зачѣмъ я буду возить, нешто безъ меня народу мало? Что я тебѣ

работникъ что ли? Ты мнѣ что за указчикъ, я старшій твой братъ, — тебѣ меня слушаться, а не мнѣ тебя.

Тогда Степанъ сказалъ: ну, братъ любезный, не взыщи; а видно надо тебя поучить, чтобы ты зналъ, какъ съ головой говорить и какъ его слушаться. Степанъ тотчасъ же положилъ своего брата и отсчиталъ ему, при всѣхъ, сколько слѣдовало, розогъ; а покончивъ это дѣло, при всѣхъ же поклонился ему въ ноги и сказалъ:

— Прости, братъ Григорій Онисимовичъ, не взыщи; я моложе всѣхъ васъ, самъ ты знаешь; я, не въ упрекъ сказать, за васъ и въ солдаты пошелъ; да ты одну только половину отцовскаго завѣщанія помнишь, а другую видно позабылъ: прими–жъ братъ науку, не сердись: я чту въ тебѣ старшаго брата, какъ отецъ велѣлъ; чти же и ты во мнѣ начальство, какъ онъ же, царство ему небесное, наказывалъ.

Братъ Григорій взялся за умъ, помирился съ братомъ Степаномъ, самъ просилъ у него прощенія и исполнилъ, что голова

приказывалъ; а глядя на него, и міръ не смѣлъ ослушаться своего головы и впередъ уважалъ каждое слово его и исполнялъ всякое приказаніе.